

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-5
С56

Рекомендован к изданию в РИО на заседании Научно-технического совета СПбГУСЭ, протокол №3 от 31.10.2011 г.

Современный русский язык и особенности его функционирования в различных сферах общения: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 25 апреля 2011 г. / Сост. Н.И. Белунова, А.С. Крайнова. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. – 186 с.

В сборнике материалов конференции «Современный русский язык и особенности его функционирования в различных сферах общения», подготовленном кафедрой русского языка и культуры речи СПбГУСЭ, рассматриваются вопросы употребления языковых средств в различных функциональных стилях и жанрах, основные изменения и тенденции в современном русском литературном языке, а также особенности языковой подготовки студентов нефилологических специальностей.

Материалы конференции представляют интерес для широкой аудитории: преподавателей, аспирантов, студентов различных специальностей.

СОСТАВИТЕЛИ: д-р филол. наук, проф. каф. «Русский язык и культура речи» СПбГУСЭ Белунова Н.И.;
канд. пед. наук Крайнова А.С.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: д-р филол. наук, зав. каф. филологии Балтийского института иностранных языков и межкультурного сотрудничества Семенов П.А. ;
д-р пед. наук, проф., директор ИТиМЭО СПбГУСЭ Пашковская И.Н.

Под общей редакцией д-ра филол. наук, проф. Белуновой Н.И.

ISBN 978-5-228-00476-4

© Санкт-Петербургский
государственный университет
сервиса и экономики, 2011 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ И ЖАНРАХ. НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	6
<i>Лысакова И.П.</i> СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ.....	6
<i>Назирова А.Э.</i> ЯЗЫК И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ МЫШЛЕНИЯ	13
<i>Бугрий Е.П.</i> ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ: ДОКУМЕНТООБОРОТ ИЛИ РУССКИЙ ЯЗЫК?	29
<i>Белунова Н.И.</i> МЕТАТЕКСТ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА.....	36
<i>Жаворонков И.Н.</i> КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕВОДА В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ	40
<i>Платонова М.О.</i> О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ В НАШЕМ ОБИХОДЕ.....	45
<i>Краснова Т.И.</i> ИМЕНОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ.....	47
<i>Никитина М.А.</i> МНОГОЗНАЧНЫЕ ПРЕДЛОГИ: МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	56
<i>Черняева А.Б.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ В ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ТИПЕ ТЕКСТА	59
<i>Мышьякова Н.М.</i> ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ ЯЗЫКА	64
<i>Рябкова Н.И.</i> «ОЛБАНСКИЕ» МЕЖДОМЕТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА	67
<i>Андреева Г.И.</i> О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	74

воздействию, но это происходит не так явно, не так одномоментно, и тем не менее с досадной очевидностью.

Здесь, конечно, имеют значение многие факторы: социальные, культурные, общественные и многие другие. Из нашего языка постепенно и как будто незаметно «уходит» духовная составляющая, а точнее, её просто изымают, ею пренебрегают. А мы потом удивляемся: что же происходит с русским языком? Особенно заметным стало падение языковой культуры (как устной, так и письменной) в постперестроечный период, когда мутным потоком хлынула в обиходную речь масса слов так называемого «приблатнённого» толка. Это слова, типа: тащиться, оттянуться, оттяжка, заторчать, прикольно, окурок (в значении «тушка кури») и многие, многие другие. Их употребление особенно заметно в молодёжной среде. Как справедливо отмечал Б. Парамонов, стиль демократии – это шоу. Шоумены, шуты стали сегодня героями дня, что отражается в первую очередь в их речи. «Цивилизации» стало больше, а культуры меньше. Все эти словечки разносятся средствами массовой информации. Пошлость со всеми её атрибутами захлестнула телеэкраны, которые пестрят сомнительного содержания передачами, выступлениями и т.п. Языковая среда переполнена и словами-паразитами, как то: в тему, как бы, типа, короче, значит, прикольно и т.д. Стали очень частотными словесные искажения. К сожалению, надо признать, что даже в речи дикторов радио и телеведущих допускаются всевозможные речевые ошибки и неправильности, тогда как в не так уж далёком прошлом дикторы нашего радио (центрального и ленинградского) отличались высоким уровнем речевой культуры. Большой редкостью были ошибки в падежных окончаниях, в управлении и согласовании, в ударении. Сейчас особые затруднения вызывают числительные, их искажают при склонении в сочетании с существительными и без оных, при этом часто «страдает» и дикция. Видимо, многие просто не готовы к выступлениям в эфире или небрежно к этому относятся, не чувствуя гражданской ответственности перед слушателями, перед обществом. Иногда «VIP-персоны», выступая по радио, не лучшим образом демонстрирую своё владение родной речью, относятся к ней с некой небрежностью, равнодушием.

Снижение уровня речевой культуры во всех слоях общества очевидно всем. Когда-то жителя Петербурга-Ленинграда узнавали по многим признакам: по культуре поведения, общения, в том числе и по культуре речи (в частности, по соблюдению орфоэпических норм). Даже представить было нельзя, что когда-нибудь мы услышим искажённое название знаменитой «Петербургской повести» Н.В. Гоголя «Шинель». А сейчас это оказалось возможным даже в литературной передаче!

Всё реже и реже стали употребляться такие слова, как: бестактно, не тактично, неприлично и т.п. Они постепенно выходят из употребления, ис-

чезают. А почему? Да потому, что сами понятия, обозначенные ими, стали неактуальными, лишними. Грустно, не правда ли? Из языка постепенно, незаметно уходит его духовная составляющая, её изымают, ею пренебрегают. А мы потом удивляемся, что же происходит с нашим языком.

Обиходная речь заполнена словесным сором, ненормативной лексикой, которая свободно и спокойно «устраивается» на страницах произведений для быстрого чтения в транспорте.

Издаются специальные труды, призывающие правильно и грамотно говорить по-русски, словари для чиновничьего люда и VIP-персон. А воз и ныне там. Не повезло словам, которые широко употребляются в наше время: торт и корт. Эти существительные при изменении по числам и падежам порой искажаются до неузнаваемости. Не спешат вернуть букве «ё» законные её две точки, хотя об этом говорилось многократно. А спешить надо, иначе скоро почти поголовно будут говорить свеклА вместо свёкла. Постановка ударения звОнит вместо звонИт и т.п. стала притчей во языцех.

Ещё об одном досадном явлении хотелось бы сказать, так как оно буквально на глазах «набирает обороты». Это касается названий: «Гостинный Двор» – универмаг и станция метро. Сейчас это «гостинка»; метро «Петроградская», Петроградская сторона и Петроградский район города – «петроградка». Закон об экономии языковых средств не всегда «проходит», так как существует понятие высокого и низкого.

Нужно вернуться к нашим духовным ценностям, без которых не может быть культуры, и в первую очередь, языковой.

*Кандидат филологических наук, доцент
Краснова Т.И.
СПбГУ*

ИМЕНОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена явлению концептуализации слова «большевизм» в Дискурсе эмигрантской печати с позиций газет русского зарубежья эпохи гражданской войны в России. Однако интересующий нас вопрос о концептуализации может быть поставлен шире, хотя он и связан с пониманием слова «большевизм» в нашей культуре.

Изучаемый материал представляет собой массивы публикаций в связи с положением дел на родине, вышедших в эмигрантских газетах Европы, Америки и Маньчжурии. По своей направленности в оценке русского большевизма, газетный мир эмигрантской печати времени революционно-го кризиса распался на два лагеря – антибольшевистский и пробольшевистский, что соответствовало идеологическому расслоению в социальном и культурном мировоззрении разных кругов общества в самой России. Вме-

сте с тем, идеологическая оценка большевизма в материалах газет русского зарубежья имеет вполне традиционную для массового читателя газет социокультурную основу. Мы исходим из постулата, что эта основа определялась воспитанием и привитыми в детстве ценностями гуманистического характера, которым всегда был близок мир народной и христианской культуры.

В так называемом «русском зарубежье эпохи революционного кризиса» оценка деятельности большевиков в России во многом определялась для бывших переселенцев практической моралью, закреплённой в сознании вековой практикой жизни. Неслучайно народная мораль называется моралью практической и обобщённо выражается в фольклоре, где добро понимается как правильные поступки, а зло – как отступление от нормы [1; с.10]. Ментальная оппозиция добро / зло является главным оселком в умозрительном испытании и оценке результатов деятельности вождей большевизма в России:

Ой, ты гой еси	Ты двулицкую
Комиссар Руси	Вел политику,
Свет Ильич Ульян,	Разорил дотла
Загубил ты Русь	Свою родину.
Русь Великую.	В сердце горе-грусть
Ей большой изъян	От того, что Русь
Сделан был тобой.	Кровью залита.

(«Призыв». Харбин, 1918)

Сравните также отрицательно-оценочные заголовки с первых страниц названной газеты: «Первый друг и покровитель большевиков – Германия», «Летит и большевики разбили Россию на черепки». Знакомые образы народной жизни и поэзии должны были оживлять в памяти читателя не только «археологическую старину», но и нравственное чувство добра и зла. Другими словами, в политическом контексте возникал моральный конфликт между идеологически выстроенной моралью приверженцев нового идеологического учения и общегуманистической нравственностью, между новой целью и самыми жестокими средствами ее достижения:

- Декреты имеют в виду **обратить и обречь на голод буржуазию**, и всё распределить между рабочими («Народная газета». Нью-Йорк, 1918);
- Коммунизм осуществляется в виде **хищений, системы заложничества и многочисленных казней** (Там же).
- Они убивают и расстреливают всех, кто стоит у них на пути, – и правых, и левых, социалистов и монархистов («Общее дело». Париж, 1919).
- Своей жестокостью они затмили всех когда-либо существовавших русских жандармов и палачей, рекой пролили народную кровь, чумой и

холерой прошли из края в край по всей стране и довели ее до вырождения (Там же).

Из концентрированной негативной оценки событий в России, из новых и новых фактов в сообщениях, из рассмотрения последствий агрессии подспудно возникает общий для сознания читателей эмигрантских газет процесс концептуализации понятия «большевизм в России». Прямо е именование-оценка действий большевиков дается открыто в радикальной антибольшевистской печати: *Таких гнусностей и таких преступлений большевики совершили в России много* («Общее дело»). Но чаще всего концептуальный смысл 'преступление' возникает в газетном дискурсе и м п л и ц т н о – в контексте сообщаемого о таких фактах, которые не укладываются в рамки представлений о норме жизни:

- В Александровской даче устроен кинематограф и демократическая ночлежка. Более половины церквей в Москве заколочено («Призыв». Берлин, 1919);
- По России из конца в конец бродят различные «странники» и юродивые, к рассказам которых всегда особенно внимательно прислушивались и крестьяне и жители городов, и эти Божьи люди шепотом вешают о скором пришествии антихриста (Там же).

Идеология крайнего неприятия большевизма, связанных с ним событий передается множественными повторами однородных смыслов, связанных с концептуализацией происходящего как 1) насилия и гибели («Красный террор в Совдепии», «Массовый расстрел рабочих», «Расстрел дезертиров», «Расстрел за агитацию в войсках», «Расстрел за "крамольную" молитву», «Убийства в России», «Пытки в советских тюрьмах», «Петроград вымирает»); 2) разрушения и упадка («Дезорганизация жизни в провинции», «Разорение Туркестана», «Прекращение пассажирского движения в Совдепии», «Разруха и анархия все продолжают»); 3) массового сопротивления («Крестьянство и рабочие восстают против большевизма», «Восстание в Казани», «Заговор против большевиков в Киеве», «Народ против большевиков», «Восстания рабочих и крестьян против Советской власти», «Рабочие и крестьяне, недовольные диктатурой пролетариата»). В первых двух группах заголовков в качестве агенса или каузального обстоятельства текстовых ситуаций подразумевается власть, в третьей группе обозначенный или подразумеваемый агент сопротивления – народ. В заметке под названием «Убийства в России» Вл. Бурцев (газета «Общее дело») пишет об установившейся норме: «...расстрелы, бессмысленные, преступные расстрелы, стали обычным явлением русской жизни!»

Как известно, отрицательная оценка означает косвенную форму запрета на соответствующие поступки. Но в дискурсе антиэмигрантских газет усматривается не только это. Здесь концептуализируется фрейм, связанный с «юридическим процессом» в духе судебного отношения ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ по наличности сторон-участников, занимающих разные смысловые позиции. Перед нами дискурс борьбы с преступлением против страны и народа [1]. Соответствующий фрейм номинально представлен в газетном дискурсе по четырем слотам оценочными дескрипциями, синонимичными по составу концептуализации:

СЛОТ преступление: циничное осуществление идеи классовой борьбы в потоках крови (*в неслыханных по бессмысленности насилиях и жестокостях*) \ глубокое равнодушие к вопросу о выборе средств в осуществлении своих целей \ сношения с врагом во время войны \ тайный союз большевиков с немцами \ большевистско-немецкий переворот \ иго насажденного германцами большевизма \ «диктатура пролетариата» (*введенная большевиками*) \ участие в большевизме уголовных элементов (*а также бывших охранников и провокаторов*) \ расправа с представителями других партий \ расчленение России \ беспощадный террор \ страшные репрессии отрядов красной армии \ разрушение промышленности (*разрушение рабочего класса*) \ разрушение школ \ эксплуатация широких масс незначительным меньшинством комиссаров и проч.

СЛОТ преступники: преступники по отношению к России \ предатели родины (*внутренние \ сознательные*) \ провокаторы \ шпионы и немецкие агенты среди большевиков \ агенты Вильгельма II (*сознательные или бессознательные, невольные выразители воли Вильгельма II*) \ Совет рабочих и солдатских депутатов (погубивший Россию) \ совдепы \ циники-фанатики (*откровенные политические циники*) \ вожаки большевизма \ ответственные большевистские деятели \ ряд виднейших социалистов (*с Лениным и Троцким во главе*) \ представители советской власти в России \ все те, кто так или иначе принимал ответственное участие в этих преступлениях \ Чрезвычайная Комиссия большевиков \ опричники \ ярые «співробітнікі» \ торемщики \ грабители \ палачи и убийцы \ знаменосцы дикой толпы и проч.

СЛОТ жертвы: целый класс (*буржуазия*) \ пролетариат \ пролетарские организации \ рабочие (*голосовавшие против большевиков*) \ демократы \ социалисты \ кадеты \ министры Первого временного правительства \ ответственные работники \ старые революционные борцы \ «контрреволюционеры» \ священники \ русские офицеры \ офицеры-белогвардейцы \ тысячи мужчин и женщин \ жертвы массовых расстрелов \ беженцы \ за-

блудные \ невинные жертвы (мученики) \ вся страна \ больная Россия (*изуродованная обнищавшая*) и проч.

СЛОТ спасение и наказание: вести беспощадную борьбу \ спасти Россию и устроить ее на новых основаниях \ служить делу спасения родины (*отдать России все*) \ пойти против испытанных врагов и восстановить честь России \ нести личную ответственность \ потребовать отчета от всех большевистских деятелей \ предать суду (*их место на скамье подсудимых*) \ понести должную кару \ сделать правильные выборы в Учредительное Собрание и проч.

Куприн-публицист по-своему интерпретировал понятие большевизма в своих записных книжках: «Это не учение и не партия... Это только метод, только способ действия, только средства, давно потерявшие связь с целью, которая должна была их оправдывать» [Куприн А. Записная книжка Ш // Новая русская жизнь. 1919, 24 нояб.]. Писатель и журналист (газета «Приневский край»), он говорит о неоправданном нарушении большевиками условий, позволяющих поддерживать нормальные отношения, то есть – косвенно – речь идет о явлении большевизма и доктрине большевизма как преступлении.

Между тем, советский словарь даст замечательное своей объективностью определение большевизма: «ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [2; с. 171].

«Для иностранцев, – пишет газета «Общее дело» в 1918 году, – «большевизм» совершенно новое слово, которое они впервые услышали лишь после того, как разразилась русская революция 1917 г. Новым явилось оно и для тех русских, которые стояли вдали от революционных течений». Раскрыть смысл, стоящий за словом «большевизм», было важной политической (а не филологической, конечно) задачей русской печати в зарубежье. В газетах разных социальных групп наблюдались разные компоненты в структуре содержания этого понятия.

В антибольшевистских газетах большевизм именуется как «презренная власть авантюристов», «режим «правителей всей России»», «идея классовой борьбы, сознательно воплощаемой в жизни через посредство народной дикости, через посредство темноты и низменных инстинктов», «мировое зло». Большевики предстают в антибольшевистских газетах в спектре наименований от юмористичного до драматичного: «хулиганы и разбойники»; «пьяницы», «разрушители»; «подстрекатели», «нигилисты», «патентованные радители на общенародные интересы», «партийные фанатики, взявшиеся было за дело благодетельствования России»; «предатели и изменники, образовавшие по немецким инструкциям, с помощью немец-

ких шпионов и агентов позорное правительство Центральной России, известное под именем Советского". "Звери! Малюты Скуратовы! В душе палачи!" – эти последние имена похожи на «клейма» в отношении объектов именованья. Большевицкая революция названа в контекстах "революционной пугачевщиной"; она "дикий кошмар внутри страны и посмешище за границей".

Обратимся к эмигрантской пробольшевицкой печати в лице анархо-большевицкой газеты «Голос труженика» (Чикаго). Издание предназначалось для политической организации бывших российских граждан, рабочих в защиту своих прав в Америке. В 1918-1919 гг. у газеты свои «большевицкие» планы, свои местечковые враги (профсоюзные лидеры), свои конкуренты в борьбе за умы читателей (эсеры и меньшевики). В целях пропаганды большевизма привлекается религиозный контекст, библейские мотивы. Сравните фрагмент текста, затрагивающий религиозное сознание читателя: *«В начале нашей эры, правители Рима распинали на крестах десятки тысяч восставших рабов. Одной из жертв был Назаретин, этот величайший лидер большевицкого движения первого века».*

Большевицкизм ассоциируется в газете, во-первых – с концептом «власть», во-вторых – со способом достижения желанной цели. В первом аспекте он именуется и замещается в тождественных позициях как "большевицкая Советская власть"; "подлинный опыт рабочего правления". Во втором аспекте (большевицкизм как способ или средство) носит названия: "новая форма общественной жизни", "форма, которую должно принять первое экономическое строительство нарождающегося свободного общества". Наконец, большевицкизм представлен метафорически – как способ избавления от «паразитов», ср:

- Союзные капиталисты прекрасно знают, что **большевицкизм имеет огромный успех и может распространиться по всему свету**, поэтому они дали страдания и голод народам, принявшим новую форму общественной жизни. Они внесли и голод в те страны и объявили миру, что это вина большевицкизма. И верные своему заявлению они все делают, чтобы разрушить большевицкизм.
- **Берите пример с России!** Это первая дорога для конечной цели осуществления рабочего идеала; Советская власть – подлинный опыт рабочего правления
- Мы (Союз Русских рабочих) остаемся последовательными и горячими сторонниками большевицкой Советской власти
- **Форма, которую должно принять первое экономическое строительство нарождающегося свободного общества – это большевицкизм!**

• **Большевицкизм для класса паразитов** то же, что керосиновое омовение для пшей, влившихся в спину собаки – вшам очень худо, конец пришел им, и такая ванна кажется верхом жестокости.

Большевицки именуется в газете как "самые жизнеспособные люди в России"; "агрессивные, способные, мыслящие, энергичные и смелые люди в России", "этот народ создает Россию". Троцкий назван "лучшим митинговым оратором, какого приходилось слушать", Ленин – "величайшим человеком в России". Критикам большевицков газета отвечает: *«А что их называют разбойниками, то они страшны им – капиталистам, они их так называют, но не страшны нам, рабочим».* Дальше идет прагматическое разъяснение: «Большевицки «свергают иго капитала в России и стремятся добиться уничтожения паразитов, и нам не нужно будет выходить на стачку и вести борьбу за свое существование, если большевицки победят».

Итак, в структуре дискурсивного содержания слова большевицкизм существует «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают это слово в контексте газет русского зарубежья. Точно также в культуре живут разные компоненты, или слои, концепта «большевицкизм», которые по-разному реальны для людей, принадлежащих к разным общественным группам.

Согласно представлениям [3, 4], которые мы поддерживаем, в содержание концепта входят: внутренняя (исходная) форма; сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки.

По Ю.С. Степанову, в основном признаке, то есть в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения [см. приведенное выше определение большевицкизма в Сл. Ушакова]. В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. История концептов культуры строится как преемственность концептов, и это потому, что сами концепты состоят из преемственных пластов. Так, концепт «Большевицкизм» связывается и с концептом «Власть», и с концептом «Преступление», и с концептом «Способ достижения политических целей», и с концептом «Болезнь» (о нем в этой статье не говорилось). С другой стороны, исходную, или внутреннюю, форму обычно не осознают в повседневной жизни, хотя она запечатлена во внешней, словесной форме. Внутренняя форма, или этимологический признак, открывается исследователями. Например, по Словарию Даля устанавливаются следующие связи старинных русских слов с внутренней формой слова «большевицкизм»: «большинствовать», что означало начальствовать; «большинничать» – распоряжаться по праву; «большинничать» – быть головою дела [5; С. 101]

Как мы наблюдали выше, признак может стать знаком называемого предмета, его опознавательной меткой. В то же время закономерность наименования из сферы языка переносится в «концептуализированную сферу» культуры, связанную с языком, и не только с языком. Согласно мнению Ю.С. Степанова, речь идет об отношении между «именем» и «вещью». И тогда требуется выйти за пределы чисто лингвистической теории и рассматривать язык в культурном контексте – там, где происходит синонимизация «слов» и «вещей» в духовной культуре. Таким образом происходит дальнейшее развитие понятия «концептуализированной области (сферы)», где синонимами называются слова, сходные по значению или по смыслу (концепту). Были подмечены такие случаи, когда вещь – в той мере, в какой вещь может иметь «смысл» – по этому своему смыслу сближается с каким-либо словом. Например, синонимами являются символы: как вещи *красное знамя, серп и молот*, так и наименования *«большевизм», «советская власть»*.

На основании подобных наблюдений, помимо понятия «концептуализированной области» в концепции Ю.С. Степанова вводится понятие «синонимизации», которое имеет два разных смысла, связанных между собой: 1) синонимизация разных корней слов, 2) синонимизация «слов» и «вещей». Под синонимизацией в первом смысле понимается схождение двух разнокоренных слов (или, в плане этимологии, двух разных корней), по происхождению никак между собой не связанных, но становящихся синонимами внутри данной концептуализированной области (см. слоты).

Таким образом, под общим понятием «концептуализированной предметной области» в языке и культуре понимается такая сфера культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы ... В пределах отдельной «концептуализированной области» слово и ритуальный предмет, слово и мифологема, и т.д. могут особым образом семантически совмещаться – выступая заместителем или символизатором одно другого. Этот процесс концептуализации в сфере культуры Ю.С. Степанов называет «синонимизацией вещей и слов». «Концептуализированные области», синонимизация в указанном смысле, становятся одним из важных принципов группировок слов и «вещей» в новых представлениях о культуре – наряду с группировками по принципам «полей», «рядов», «тематических групп» и т.д. Именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре, вскрывается глубокая мотивированность именовании – неслучайность именовании.

ВЫВОДЫ. Концепт «Большевизм» имеет слоистое строение, и разные его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных общественных групп, включая историческое и наше время.

Смысловое употребление слова на протяжении разной истории его существования в общественном сознании делает его фактом культуры. В культурологии, согласно Ю.С. Степанову, такое понимание смысла включает «историю концепта, как бы подвергнувшуюся «компрессии», сжатую и синтезированную».

Если с точки зрения культуры рассматривать доминирующую линию в структуре концепта «Большевизм», то она будет линией на понижение «репутации» этого понятия, связанного в идеологии с марксистско-ленинской основой идеалов классовой борьбы и утверждением их на практике в деятельности большевиков. Сравните суждение о большевизме, помещенное в современной нам печати: *«В 1917 году большевики дали русскому народу право на бесчестье. В этом заключался секрет их политического успеха. Поправление свободы, личности и семьи, отрицание институтов права и собственности, беспримерные гонения на Церковь и близких были не чем иным, как побуждением к всероссийскому отречению от Христа и восстанию против Бога. В итоге большевизм стал мучительной социальной болезнью, а ленинская утопия – псевдорелигиозным соблазном»* [6].

Литература

1. *Рождественский Ю.В.* Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. – М.: Флинта: Наука, 2002.
2. *Толковый словарь русского языка.* / В 4-х т. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940 гг. – Т. 1.
3. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии, 2001. – №1. – С. 35-47.
4. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь в 4-х т. Ч. 1. – М., 1863.
6. *Александров К.* «Хозяин мертвой буквы». Санкт-Петербургские ведомости. 2009, 18 дек.
7. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке) // *В.Н. Волошинов.* Философия и социология гуманитарных наук / Вступ. статья Н.Л. Васильева; Сост., примеч., библиограф. указ. Д.А. Юнова. – СПб.: Аста-пресс ltd, 1995. – С. 216-380.
8. *Степанов Ю.С.* Концепт // Электронная Библиотека МГУ: Теория языка http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (27.06.2008).